

ОТ ДРЕВНЕГО МИРА К ЦИФРОВОМУ ВЕКУ: ФЕНОМЕН ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННОМ ПРОТИВОБОРСТВЕ

Рецензия на книгу: Brands H. (ed) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.

Егор СПИРИН
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье рассматриваются основные тезисы книги под редакцией Х. Бредса «Создатели современной стратегии: от античности до цифрового века» (Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.) посвященной изучению эволюции стратегической мысли. В сборнике поднимается ряд значимых теоретических и практических вопросов, связанных с принятием внешнеполитических решений и процессом формирования внешней и оборонной стратегии государств. Основной задачей данной работы является обновление теоретического фундамента стратегических исследований с опорой на меняющийся информационно-технологический ландшафт.

Ключевые слова: стратегия, история, теория, безопасность, война, стратегические исследования

В российской академической среде существует представление, согласно которому единственный практический опыт великодержавного противостояния в арсенале США – это опыт холодной войны, диктующий те паттерны поведения, которые воспроизводятся и на современном этапе реализации внешнеполитической стратегии США (Сучков, 2021). Вместе с тем, на теоретическом уровне американцы последовательно работают над развитием более системного знания в данной области. В частности, в университетах разрабатываются и преподаются курсы по «большой стратегии», регулярно выходят работы по этой и смежной тематикам (Гэддис, 2021). В целом данное

Егор Дмитриевич Спирин – эксперт Центра перспективных американских исследований, Институт международных исследований, МГИМО МИД России.

ORCID: 0000-0002-8543-2720. E-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 10.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

направление мысли активно развивается, однако множество разносторонних подходов к изучению стратегии имеет и обратную сторону в виде феномена «растяжения концепта» (Сартори, 2003).

В многообразии издаваемых в США трудов по «большой стратегии» особую роль занимают сборники публикаций именитых представителей академической среды под общим названием «создатели современной стратегии» (*Makers of Modern Strategy*). Первый из них увидел свет в далеком 1943 году и концентрировался вокруг конвенциональных войн (*Makers of Modern Strategy...*, 1943). Вторым том в этой серии появился спустя примерно 40 лет и уже учитывал наиболее актуальную для того времени тематику – ядерную (Craig and Gilbert, 1986).

Однако технологическое развитие, как показывает практика современных конфликтов, создает все новые вызовы, в том числе и на уровне стратегического планирования. Хотя теоретическая мысль и не стояла на месте (Kaldor, 2012), она, тем не менее, во многом оказалась заложником «иллюзии долгого мира» (Фененко, 2018). Это выразилось в том, что ключевым нарративом, существовавшим в сфере исследований стратегий безопасности, стала концентрация на противодействии неконвенциональным угрозам, зачастую представленным разного рода нерегулярными формированиями, террористическими группировками и т.д. Некоторые наиболее прозорливые авторы отмечали, что войны едва ли канули в Лету, а технологические новшества мало способствуют смягчению нравов политических акторов (Lieber and Press, 2020). Однако реальность оказалась еще более суровой: практика международных отношений наглядно демонстрировала, что эра межгосударственных войн далека от завершения, а все большее нарастание великодержавной конкуренции между Китаем и США лишь подливает масла в огонь и без того не особо стабильной ситуации. Данный контекст международной обстановки способствовал росту внимания к вопросам оборонных и внешнеполитических стратегий, что и нашло свое прямое отражение в третьем томе «создателей современной стратегии», который расширил временные горизонты в оба направления. Так, если раньше отсчет стратегического мышления вели с Макиавелли, то в настоящей работе авторы постарались более подробно изучить наработки античных авторов. В сборник включены и наиболее современные тенденции, выражающиеся в цифровизации и постепенной «вепонизации всего» (Galeotti, 2022).

Как утверждают сами авторы, «область стратегических исследований основана на убеждении, что существует базовая логика стратегии, которая не зависит от времени и пространства. Однако основное значение термина “стратегия” никогда не было фиксированным, и специалисты-международники “обречены” на переосмысление даже самых древних текстов через призму актуальных интересов современных государств. Если стратегия кажется таким “неуловимым существом”, то это потому, что каждая эпоха учит чему-то новому в отношении этой концепции и требований к ее успешному осуществлению. Происходящее в мире сегодня требует обновления самого

понимания стратегии. Все сложнее верить в то, как это иногда утверждалось поколение назад, что война и, возможно, сама стратегия остались в прошлом, в эпохе мира после окончания холодной войны» (The New Makers., 2023: 2). Принимая во внимание такое положение дел, авторы, работавшие над новым томом, старались ответить на ряд ключевых вопросов, среди которых: кто является «создателем стратегии»? Что такое современность в контексте стратегии? Что действительно является стратегией?

Авторы коллективного труда последовательно стараются приблизиться к ответам на эти вопросы и в этих устремлениях намеренно расширяют рамки своего понимания данной проблематики. Так, говоря о создателях стратегии, они отходят от атрибутирования стратегий конкретным личностям (хотя от этого подхода они в полной мере и не отказываются) и постулируют следующее: «Стратегия формируется не в вакууме, а под влиянием технологических изменений и организационной культуры, социальных сил и интеллектуальных движений, идеологий и типов режимов, менталитета поколений и профессиональных сообществ». Из этого тезиса вытекает и скептическое отношение к некоторым работам, ставшими классическими. В частности, ставится под сомнение, насколько значительное влияние на формирование американской ядерной стратегии времен холодной войны оказали т.н. Волшебники Армагеддона (Kaplan, 1991), а не непрозрачный, подчас деперсонализированный, бюрократический процесс.

Очевидным достоинством рассматриваемой работы является готовность авторов к поиску нового как во временном пространстве, так и в географическом – последнее, в частности, находит отражение и в анализе незападных теоретиков и практиков. Сами авторы пишут об этом так: «Поиск стратегии в незнакомых ранее местах – это то, что предотвращает интеллектуальную застой, который может наступить от простого воспроизведения лучших “хитов”. Понятие “современности” тоже претерпело изменения. Появились новые области военных действий; цифровая эпоха изменила разведку, тайные спецоперации и другие давно известные инструменты стратегии».

В попытке ответить на обозначенные выше и, казалось бы, простые, но на деле крайне дискуссионные вопросы¹, книга затрагивает шесть основных тем, являющихся своего рода связующей нитью между более предметными текстами именитых авторов. Первой из таковых является уже упомянутая тема необходимости расширения понятия «стратегия» в современности. Так, авторы указывают, что «апофеозом стратегии является синергия: объединение множества инструментов, будь то оружие, деньги, дипломатия или даже идеи, для достижения высших целей. Ее суть заключается в соединении силы с креативностью для достижения превосходства в конкурентной борьбе, в какой бы форме эта сила ни проявлялась».

---

¹ О теоретических дискуссиях по данной проблематике см. (Silove, 2018).

Во-вторых, данная работа, в отличие от множества других, сугубо теоретических, старается принимать во внимание ключевой фактор, делающий возможной (или наоборот, невозможной) реализацию любой сколь угодно продуманной стратегии, а именно фактор политики. Исследователи отмечают, что «для того, чтобы разобраться со стратегией, необходимо признать первичность и всепроникающий характер политики. Это не просто подтверждение часто неверно понимаемой сентенции Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами. Дело, скорее, в том, что хотя проблемы стратегии могут быть универсальными, ее содержание вряд ли можно отделить от политической системы, которая ее порождает». Политика и ее высшее выражение в виде стратегии всегда является результатом борьбы интересов, при этом зачастую отнюдь не абстрактных национальных, а вполне конкретных и скорее частных (Hanania, 2021). Осознание данного факта можно отнести к достоинствам данной работы.

Важно отметить и то, что авторы указывают на наличие своего рода пространства для творческого маневра в рамках стратегического мышления. Хотя с легкой подачи реалистской школы международных отношений вопросы стратегического противоборства и стали измерять преимущественно в материальных терминах (основные дебаты велись лишь на тему того, что и как считать²), такой подход во многом является редукционистским и не учитывает обстоятельства, которые помогают более слабым по количественным показателям игрокам изменять ситуацию в свою пользу. В работе указывается, что «стратегия наиболее ценна, когда она раскрывает силу в неожиданных проявлениях. Даже самые сильные страны нуждаются в стратегии; применение подавляющей силы может быть выигрышным подходом. Однако опора на грубую силу – не самая интересная форма стратегии, и исход конкурентных взаимодействий не всегда определяется материальным балансом сил. Наиболее впечатляющие стратегии – те, которые изменяют баланс сил, создавая новые преимущества». Как показывает опыт, например, русско-японской войны и ряда более современных конфликтов, именно такой подход является более приближенным к реальности.

Из осознания данного обстоятельства вытекает пятая основная тема сборника, которую можно условно назвать «уроками истории». Лейтмотивом в нем звучит мысль о том, что цена стратегической и исторической безграмотности может быть катастрофически высокой, а правильный стратегический выбор дает возможность реабилитироваться за тактические просчеты. Авторы этого раздела делают вывод, что «с древнейших времен и до наших дней качество стратегии (или отсутствие таковой) определяло взлет и падение государств и контуры международного порядка». Сложно не согласиться с данными тезисами. При этом и в данном контексте важно упомянуть фактор

² См., например, (Beckley, 2018).

взаимосвязанности стратегии и политики. Как неоднократно демонстрировала практика, иногда отсутствие политической воли и превалирование узкокорпоративных интересов не позволяли произвести ревизию тех аспектов государственного управления, которые приводили и приводят к воспроизведению ошибочных, а подчас и весьма трагических паттернов поведения, сохраняющихся на протяжении десятилетий.

Наконец, исходя из всего вышесказанного, авторы постулируют, что сами стратегические исследования должны носить по большей части инструментальный характер и служить делу формирования практической политики. При этом такой характер не позволяет полностью освободиться от доминирующих в этот момент нарративов. Стратегия, таким образом, есть продукт конкретного времени, и едва ли возможен банальный перенос схемы прошлого в современность, хотя это отнюдь не отменяет необходимости ее изучения.

Впрочем, при всех достоинствах обзораемой работы она не лишена недостатков. Так, в первую очередь, стоит отметить, что, несмотря на декларированную авторами приверженность примату политики над идеями, в некоторых эссе наблюдается ровно обратная тенденция. Проблема такого подхода заключается не столько в том, что политика всегда стоит в более сильной позиции, а в том, что больший упор на идеи во многом лишает анализ историзма. Очевидно, что сколь прорывными бы ни были те или иные идеи, они могут не найти практического воплощения в случае отсутствия на то политической воли или в силу личных противоречий между теоретиком и властью. Ярким примером такого феномена является глава, посвященная Маршалу Н.В. Огаркову. При всей фактологической содержательности автор упускает вопрос де-факто отсутствия реализации предлагавшихся Огарковым решений, что было обусловлено именно политикой в ее самом главном стремлении – борьбе за власть. Если обратиться к историографии, то можно наглядно увидеть, что его идеи не были в полной мере реализованы в силу внутрибюрократических интриг, а именно того обстоятельства, что в сентябре 1984 года министр обороны СССР Д.Ф. Устинов заменил Огаркова удобным ему Ахромеевым – военным профессионалом, но, по свидетельству некоторых историков, «более покладистым и лояльным к начальству человеком»³.

В этом же контексте можно выделить и другой недостаток работы, который связан с периодически проявляющимся экстраполированием современных теоретических наработок на «дела давно минувших дней», которые в своей сути исходили скорее из требований *Realpolitik*, нежели из теоретических воззрений. Так, в книге можно найти описание внешней политики Л.И. Брежнева как политики, в некотором роде опирающейся на представления о цивилизационном подходе. Хотя подобное описание и может выглядеть интересным

---

³ Семенов С. (2022) Взлет и падение Маршала Огаркова. К 105-летию со дня рождения выдающегося советского военачальника. *История.рф*. 31 октября 2022. Available at: <https://histrf.ru/read/articles/vzlet-i-padenie-marshala-ogarkova-k-105-letiyu-so-dnya-rozhdeniya-vydayushchegosya-sovetskogo-voenachalnika> (дата обращения: 18.01.2024).

для политологического анализа, оно, тем не менее, является несколько редуционистским. Кроме того, такой подход вновь контрастирует с декларировавшимися авторами принципом анализа на основе примата политики.

Нельзя пройти мимо и того ощущения, что аналитики подчас запираются в рамках западных нарративов, не стараясь всерьез исследовать описываемое ими явление. Хрестоматийным примером подобного подхода является глава, посвященная анализу военной мысли действующего начальника Генштаба РФ В.В. Герасимова. Автор во многом воспроизводит ту риторику, которую в публичный дискурс запустил британский политолог Марк Галеотти, фактически выдумав идею «доктрины Герасимова»⁴. Автор повторяет тезисы, ставшие широко популярными на Западе, которые в общем виде можно сформулировать следующим образом: 1) у России есть доктрина экспансионной внешней политики, которой она следует и будет следовать в будущем; 2) данная доктрина представляет реальную опасность для западного мира; 3) этой доктрине необходимо противостоять. Исследователь отказывается от попыток какого-либо критического восприятия темы и атрибутирует данную «стратегию» примерно ко всем действиям с прямым или косвенным участием Москвы. Находясь «в плену» западных нарративов, автор отказывается рассматривать события на Украине, начиная с 2014 года, иначе как «происки Кремля», что, как показывает реальность и исследования российских авторов (Дзарасов, 2022), по меньшей мере, не отражает полноты картины. Помимо этого, исследователь демонстрирует отсутствие понимания первоисточника «доктрины Герасимова», а именно доктрины «Шока и трепета» (*Shock and Awe*), которая, к слову, не имела ничего общего ни с действиями времен 2014 года, ни с СВО⁵. Более подробный анализ выходил бы за рамки формата книжной рецензии, однако стоит сказать, что публикации подобного рода довольно негативно отражаются на общем реноме сборника статей от главных интеллектуалов в области стратегического мышления.

В более широком смысле к недостаткам работы можно отнести и то, что при прочтении складывается ощущение, что авторы исходят из изначальной предпосылки, постулирующей факт наличия стратегии. Однако такой подход порождает своего рода «ловушку послезнания»: авторы начинают интерпретировать ряд внешнеполитических шагов как целенаправленную стратегию, в то время как она в действительности является реактивной. Такая аналитическая ошибка может привести к неправильному пониманию исторического опыта, что, как отмечали сами исследователи, может заложить основы для принятия недальновидных решений.

Впрочем, несмотря на данные недостатки, которые скорее относятся к конкретным эссе в рамках обозреваемого сборника, нежели к самой концепции книги, работа действительно представляет немалый интерес и может

⁴ Galeotti M. (2018) I'm Sorry for Creating the 'Gerasimov Doctrine'. *Foreign Policy*, 5 March. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/03/05/im-sorry-for-creating-the-gerasimov-doctrine/> (accessed 18 January 2024).

⁵ Подробнее см. (Головлев, 2023: 44–60).

быть рекомендована к изучению всем, кто интересуется стратегической мыслью, процессом принятия внешнеполитических решений, вопросами военной истории и ядерного сдерживания. Многие из тем, поднимаемых в работе, являются вполне релевантными и для российских исследователей, особенно на фоне актуальных внешнеполитических условий, сложившихся вокруг РФ.

Понимание того, что такое стратегия и как она вырабатывается, могло бы оказать и весьма эффективное практическое воздействие. Разумеется, сам факт наличия стратегии не является панацеей хотя бы в силу того, что политика – это игра с множеством различных переменных и едва ли в полной мере рациональная, однако отсутствие стратегии – это, бесспорно, путь к внешнеполитическим неудачам.

Список литературы

1. Головлев М. (2023) *СВО. Клаузевиц и пустота. Политологический анализ операции и боевых действий*. Москва: Книжный мир. 160 с.
2. Гэддис Дж. Л. (2021) *О большой стратегии*. Пер. с англ. О. Филиппов и А. Шоломицкая. Москва: Издательство Института Гайдара. 424 с.
3. Дзарасов Р.С. (2022) *За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму мир-системного подхода*. Москва: URSS. 408 с.
4. Сартори Д. (2003) Искажение концептов в сравнительной политологии (I). *Полис. Политические исследования* 3: 67–77.
5. Сучков М.А. (2021) Трумэн, а не Никсон: США в новом великодержавном противостоянии. *Россия в глобальной политике* 19(4): 74–82.
6. Фененко А.В. (2018) «Долгий мир» и ядерное оружие. *Россия в глобальной политике* 6.
7. Beckley M. (2018) The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security* 43(2): 7–44.
8. Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.
9. Craig G.A., Glibert F. (1986) *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press. 941 p.
10. Earle E.M. (ed) (1943) *Makers of Modern Strategy; Military Thought from Machiavelli to Hitler*. Princeton: Princeton University Press. 553 p.
11. Galeotti M. (2022) *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War*. New Haven: Yale University Press. 256 p.
12. Hanania R. (2021) *Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy: How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy*. Routledge. 230 p.
13. Kaldor M. (2012) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era (3rd edition)*. Cambridge: Polity Press. 268 p.
14. Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon*. Redwood: Stanford University Press. 456 p.
15. Lieber K.A., Press D.G. (2020) *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age*. Ithaca: Cornell University Press. 180 p.
16. Silove N. (2018) Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy”. *Security Studies* 27(11): 27–57.

FROM THE ANCIENT WORLD TO THE DIGITAL AGE: THE PHENOMENON OF FOREIGN POLICY STRATEGY IN INTERSTATE CONFRONTATION

Book review: Brands H. (ed.) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.

Egor D. SPIRIN – Expert, Center for Advanced American Studies, Institute for International Studies, MGIMO University.

ORCID: 0000-0002-8543-2720. E-mail: e.d.spirin@my.mgimo.ru
 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Received January 18, 2024   Accepted February 10, 2024

Abstract: The article reviews the main theses of the book edited by H. Brands «The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age» (*Brands H. (ed.) (2023) The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.*) devoted to the study of the evolution of strategic thought. The volume raises a number of significant theoretical and practical issues related to foreign policy decision-making and the process of shaping of the foreign and defense strategy of different states. The main objective of this work is to update the theoretical foundation of strategic research based on the changing information and technological landscape.

Keywords: strategy, history, theory, security, war, strategic studies

References:

1. Beckley M. (2018) The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security* 43(2): 7–44.
2. Brands H. (ed) (2023) *The New Makers of Modern Strategy: From the Ancient World to the Digital Age*. Princeton: Princeton University Press. 1200 p.
3. Craig G.A, Glibert F. (1986) *Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Ed. by P. Paret. Princeton: Princeton University Press. 941 p.
4. Dzarasov R.S. (2022) *Za luchshuyu dolyu! Ukrainskij krizis skvoz' prizmu mir-sistemnogo podhoda [For a Better Share! Ukrainian crisis through the prism of the world-system approach]*. Moscow: URSS. 408 p. (In Russian).
5. Earle E.M. (ed) (1943) *Makers of Modern Strategy; Military Thought from Machiavelli to Hitler*. Princeton: Princeton University Press. 553 p.
6. Fenenko A.V. (2018) «Dolgij mir» i yadernoe oruzhie [«Long peace» and nuclear weapons]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]* 6. (In Russian).
7. Galeotti M. (2022) *The Weaponisation of Everything: A Field Guide to the New Way of War*. New Haven: Yale University Press. 256 p.

8. Geddis Dzh.L. *O bol'shoj strategii. Perevod s anglijskogo Olega Filippova (predislovie, glavy 6-10) i Anny Sholomickoj (glavy 1-5) [On Grand Strategy. Translated from English by Oleg Filippov (foreword, chapters 6-10) and Anna Sholomitskaya (chapters 1-5)].* Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gajdara [Moscow: Gaidar Institute Publishing House]. 424 p. (In Russian).
9. Golovlev M. (2023) *SVO. Klauzevic i pustota. Politologicheskij analiz operacii i boevyh dejstvij [SMO. Clausewitz and the void. A political science analysis of operation and combat].* Moscow: Knizhnyj mir. 160 p. (In Russian).
10. Hanania R. (2021) *Public Choice Theory and the Illusion of Grand Strategy: How Generals, Weapons Manufacturers, and Foreign Governments Shape American Foreign Policy.* Routledge. 230 p.
11. Kaldor M. (2012) *New and Old Wars: Organized Violence in a Global Era (3rd edition).* Cambridge: Polity Press. 268 p.
12. Kaplan F. (1991) *The Wizards of Armageddon.* Redwood: Stanford University Press. 456 p.
13. Lieber K.A., Press D.G. (2020) *The Myth of the Nuclear Revolution: Power Politics in the Atomic Age.* Ithaca: Cornell University Press. 180 p.
14. Sartori D. (2003) Iskazhenie konceptov v sravnitel'noj politologii (I) [Concept Misformation in Comparative Politics (I)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]* 3: 67–77. (In Russian).
15. Silove N. (2018) Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy”. *Security Studies* 27(11): 27–57.
16. Suchkov M.A. (2021) Trumen, a ne Nikson: SShA v novom velikoderzhavnom protivostoyanii [Truman, not Nixon: the United States in a new great-power confrontation]. *Rossiya v global'noj politike [Russia in Global Affairs]* 19(4): 74–82. (In Russian).